

ДОМАН УДАРЦЕВ

БЕДЫН

18+

Роман Ударцев

Ведун

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ударцев Р. С.

Ведун / Р. С. Ударцев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Почти во всех книгах о колдунах герои, получив магические способности, начинают обогащаться, мстить, захватывать власть над миром и вообще решают свои мелкие проблемки. В этой книге я представил, что будет, если способности получит нормальный, вменяемый человек. А что из этого получилось можно узнать, прочитав книгу.

Изображение для обложки взято с сайта бесплатных изображений Пиксабайт: <https://pixabay.com/ru/illustrations/некромант-темно-искусство-фантазия-3452376/>

Часть первая.

Глава первая.

Пыль вздымалась облачками из-под тяжелых армейский ботинок, и оседала обратно на когда-то черную кожу, темно-зеленый порей и укатанную глину проселка. Прокаленная земля глухо звенела под легкой поступью путников. Парень и девушка, в одинаковых камуфляжных штанах и черных футболках, шли вроде не торопясь, но с той ходкой быстротой, что выдает опытного путешественника. Девушка шла простоволосая, лишь скрутив волосы в конский хвост кожаным ремешком, парень одел на коротко стриженую голову камуфляжную кепку. Загар резко контрастировал с выгоревшими волосами.

Когда они поднялись на вершину пологого холма, парень остановился и посмотрел вперед, ладонью прикрыв глаза от солнца. Девушка скинула с плеча тощий рюкзак, достала пластиковую флягу и сделала глоток, покатала во рту теплую воду и протянула флягу спутнику.

– Вовчик, как думаешь, дотемна доберемся?

– Максимум через час будем в селе. – Парень взял флягу и по привычке сделал такой же экономный глоток. Закрутил крышку и отдал флягу спутнице. – Ну, Маришка, ласково нас примут?

– Это не просчитать, ты же знаешь! – почему-то обиделась Маришка.

– А женская интуиция что подсказывает? – усмехнулся шершавыми губами парень.

– Моя женская интуиция мне подсказывает, что мы туда не доберемся, если будем торчать тут! – девушка закинула на плечо рюкзак и пошла вниз.

Парень обвел взглядом редкие акации и пошел следом. Минут через десять гудящую тишину нарушил треск двигателя. Путешественники оглянулись. С вершины холма ехал мотоцикл с коляской. Еще минута и древний транспорт догнал их, ребята отодвинулись к обочине, чтобы пропустить его, но пузатый, седой дядька на мотоцикле остановился возле них.

– Это вы что ли, язычниками будете? – не обдуваемый ветром, мужик моментально покрылся потом и рукавом вытирал испарину.

– Мы предпочитаем называть себя «Ведунами» – осторожно сказал парень.

– Ну да, ну да... – дядька тоскливо посмотрел на солнце, до заката оставалось еще часа два – это вы у Петра Шухляды грыжу вылечили? В Нижних Тернах? Кум это мой.

Парень с девушкой молчали. Дядька слез с мотоцикла и неуклюже поклонился, достал из кармана мятый тетрадный лист и прочитал вслух:

– Богами нам послана встреча, не погнушайтесь домом моим и угощением. – мужик сверился с бумажкой – Во славу Богов...

– Маришка, – обратился парень к спутнице – вот откуда они эту белиберду вытаскивают? – и уже к мужику – Говори по-человечески, что ты хочешь?

– Может лучше в хате поговорим, жарница несусветная. – мужик показал на мотоцикл. Четверть часа спустя они въехали в Барвиху. Михайло, так звали хозяина, подъехал к своему дому, двухэтажной кирпичной коробке. Судя по стоящим во дворе трем или четырем машинам, они находились в различной степени разборки и определить точнее не получалось, тротуарной плитке, и розовым кустам, хозяин был в селе барыгой. И как мог, пытался выразить свое благополучие. Такие люди были в каждой деревне. Вез из города продукты и содержал магазинчик, с обязательным «гандельком». Жена, тощая, рыжая женщина с затравленными глазами, ставила на стол, расположенный за домом в палисаднике, разные тарелки и миски. Уж за угощение наш народ стыдиться не привык. Маришка потянула носом воздух и слотнула.

– Вовчик, вареники с клубникой! – шепнула она спутнику. Достаточно сдержанная в еде, Маришка, реагировала на вареники с клубникой как кот на валериану. Учитывая, что с Тернами пришлось попрощаться в крайней спешке и они толком не ели с вчерашнего дня, Вова разделял ее энтузиазм.

Сели, муж свирепо глянул на жену, и она принесла две запотевшие бутылки, одну с вином, другую судя, по сильному даже через пробку, запаху, с самогоном. От спиртного ребята отказались. Хозяин с хозяйкой выпили, мужик хотел было сказать какой-нибудь тост, но смешался и ничего умнее «будьмо» не придумал. Ребята всю закусывали, утолив голод, они откинулись, потягивали квас и ждали, что скажет хозяин. Мужик то краснел, то бледнел, видно проблема была интимной.

– Тут такое дело... – он нашел выход из трудной ситуации – Вера, давай ты Расскажи.

Женщина, собралась с мыслями, решая, что сказать и вдруг заплакала. Сквозь рыдания разобрать, что она говорит, было трудно. Маришка взяла стакан кваса, провела над ним рукой, что-то пробормотала и дала его хозяйке. Женщина выпила квас и успокоилась.

– Ладно, короче говоря, мне надоела эта конспирация. – Вова, с сожалением посмотрел на котлету, но она в желудке была уже явно лишней, и перевел взгляд на Михайло. – Дело как я понял в том, что года три назад решили дите еще одно завести, а желание не совпадает с возможностью?

– Ну, так... это... – Михайло совсем смутился – ну я как мужик еще ого-го! А вот с дитем не получается...

Ребята сильно сомневались, что хозяин «еще ого-го», но распространяться на эту тему не хотели. Дело было и сложное, и весьма кропотливое. Если бы у мужика вообще не работало, тогда проще, а тут... тут предстояла работа и трудная. Маришка, взяла Веру за руку и, что-то шепча ей, пошла в дом. Вова достал из рюкзака «батарейку», до упора накачанный энергией амулет.

– Баня у тебя есть?

– Дык, конечно, косточки попарить захотелось? – Михайло, не знал, как себя вести с ведунами, на вид как дети, лет по шестнадцать-семнадцать, а глаза в душу заглядывают, страшненькие глаза. Да и кум трясся весь, когда рассказывал, как эти детишки сначала его вылечили, а потом четверых мужиков как котят раскидали. Может и зря с ними связался, ничего, вон, Андруха с контрактной службы скоро вернется, а Верка прицепилась – хочу дочку.

– Косточки парить будем потом – мысли Михайло, так отчетливо проступали на его лице, что Вова невольно улыбнулся – пока протопи чуть-чуть, что бы вода не холодная была, а если есть водонагреватель, то и печь не включай. Принеси туда таз литров на двадцать, не меньше. Полотенца, тряпки и ведро чистой питьевой воды.

Михайло засуетился, руки у него предательски дрожали. Он вынес из сарая два таза, эмалированный и пластиковый, чтобы спросить какой лучше. С крыльца спускались молодая ведунья и Верка. Глянув на них, Михайло уронил оба таза и даже не вздрогнул от сдвоенного пластмассового и металлического звона. Девка была одета в длинную до пяток рубаху из некрашеного льна, светлые волосы, рассыпанные по плечам практически сливались цветом с тканью, а глаза из страшненьких, стали откровенно пугающими. Светились какими-то искрами, толи солнце так падало, толи ведьма силу показала. Но гораздо больше его поразила собственная жена. Такой Веру он не видел никогда. В ночной рубашке, с распущенными волосами, она сбросила лет двадцать и выглядела юной. Груз забот, согнувший плечи и склонивший голову исчез, молодая и красивая, совсем не эту женщину Михайло профилактически «метелил» раз в месяц. Ох, промелькнула в его голове мысль, что же я натворил? Жену теперь в кулак не возьмешь, зря, зря я связался с ведунами.

Вера посмотрела на него и улыбнулась, без страха. Просто как другу, Михайло попытался скроить ответную улыбку, но лицо одеревенело. Он только лишь часто моргал. Женщины

пошли по огороду к луговине, что тянулась до самой реки. Маришка что-то напевала звонким голосом, Вера послушала и начала подпевать. Чистый сильный голос без сомнения принадлежал жене, у которой на ушах медведи гопак танцевали. Слов хозяин разобрать не мог, но за рубахой скребли кошки, как будто он что-то упустил в жизни, хорошее, радостное. Хотя и дом вроде богатый, и сына на ноги поставил, а все равно жизнь зря прожита. Мысли – не мысли, скорее чувства, Михайло не мог определиться, неслись в голове. Из круговерти его выдернул голос Владимира:

– Кончай варезку разевать. – ведун придиричиво осматривал ворох полотенец и складывал каждое отдельно – Это они должны в одиночестве сделать, как и мы.

– А?...

– Ты таз похуже бери, все равно, отмыть потом не сможешь, легче будет выбросить. Пошли!

Михайло в последний раз посмотрел на идущую по лугу жену, еще такую знакомую и уже такую чужую. Матюкнулся и пошел в баню. Никаких заклятий, зелий и прочего, с чем у нормального человека ассоциируется колдовство, Вова делать не стал. Сначала усадил порядком струхнувшего Михайло на лавку и сказал:

– Тело тебя плохо слушается, потому что ты за ним плохо ухаживаешь. Сейчас я тебя начну чистить, больно не будет, но будет очень противно. Это я тебя заранее предупреждаю, не вздумай сбежать, цикл надо пройти полностью.

– А таз-то зачем? – сказал хозяин наобум.

– Сейчас поймешь! – рассмеялся Вова и хлопнул Михайло ладонью по лбу.

Михайло хотел было возмутиться, как-никак, он старше этого молокососа лет на двадцать пять, если не тридцать, хотел, да не успел. Его бурно вырвало. Он понял, зачем таз, а когда грязь начала выходить и из других отверстий, почему такой большой. Так плохо ему не было даже после знаменитой на всю округу свадьбы Косарей, где перебравший Михайло на столе стриптиз танцевал. Через пять минут из пустого желудка начала извергаться черная жижа. Ему стало страшно, мутными слезящимися глазами он посмотрел на стоящего рядом Вову. Парень был спокоен, даже жуткий запах, похоже, не беспокоил его. С надеждой, что ведун знает, что делает, Михайло продолжил самозабвенно блевать.

Еще через минуту, он тяжело сел на дощатый забрызганный пол. Вова подал ему ковш чистой воды. Осушив посудину, он с благодарностью ее вернул ведуну, но парень набрал еще воды и протянул:

– Пей! Еще не все!

Михайло выпил литра три воды. Ведун нажал на какие-то точки на спине и шее хозяина. У того начались судороги, все тело скручивало, каждая мышца тела решила проявить характер, Михайло завыл было, но горло тоже стиснуло спазмами. Его мучитель сидел и участливо улыбался, приговаривая: надо, надо! Судороги закончились так же внезапно, как и появились. Но облегчения это не принесло, его снова начало рвать. Сил стоять над тазом, даже на четвереньках, у Михайло не было. Он перекатился набок, Вова подложил полотенце ему под голову и вытирал мокрой тряпкой слизь и грязь с лица. Вообще он вел себя как опытный медик, проявляя необходимую заботу, но лично оставаясь равнодушным к страданиям пациента.

Глядя на еще вздрагивающего Михаила, ведун разделся догола и начал мыться под душем, особой гордостью хозяина, никто в селе не додумался в баню душ поставить, все по старинке тазами да ковшами пользовались. Пошатываясь, Михайло встал на ноги и чуть не рухнул на спину, по привычке отклонившись назад, держа равновесие с обширным брюхом. Вот только брюха больше не было. Кожа висела складками, выглядело это жутко, Михайло с удивлением увидел собственный орган, чего без зеркала ему не удавалось лет десять. Непривычная легкость и сила потихоньку наполняли тело. Ведун, вымывшись, подбирал грязные тряпки и складывал в кучу у входа. Со вздохом осмотрел испачканные штаны и кинул сверху на кучу.

– Машинка стиральная есть? – видя, что хозяин не реагирует на его слова, ведун пошел-кал пальцами перед его лицом.

– Да, есть, автомат – рассеянно подтвердил хозяин и спросил в ответ – а это... – он показал на висящую складками кожу – так и останется?

– Нет, недели за две-три в норму придешь.

Заматавшись в полотенца, они уселись за стол под навесом. После вони в бане, даже воздух казался вкусным. Михайло думал, что не сможет даже смотреть на стол, но вслед за ведуном набросился на еду. Взялся было за бутылку, но мысль о самогоне вызвала отвращение. Он поставил выпивку на стол и налил себе холодного компота. Женщины еще не вернулись, а наедине говорить с ведуном было легче:

– Она так же... – поморщившись от воспоминаний спросил он.

– Нет, – покачал головой Вова – она женщина, у нее другая связь с миром.

– А как это выглядит у них?

– Земля, небо... слияние противоположностей...

Михайло почти видел, как его жена снимает с себя одежду и становится в ручей, а Маришка льет ей на плечи воду, напевая непонятную и красивую песню. Капли холодной воды уносят старость и болезнь. Затем она ложится прямо на траву, набраться от Матери-Земли силы, а ведунья садится рядом и шепчет древние заговоры. Красивая картинка дернулась от слов Владимира:

– Только это очень больно. – Михайло посмотрел на спокойного юношу с колючими глазами, ведун повторил – ты, все верно увидел, но учитывай, что они, женщины, другие. И для них это очень болезненная процедура. Так что помни об этом, прежде чем начнешь снова кулаки распускать. – хозяин покраснел, от стыда – Проклянун. – жестко добавил Владимир.

Молчание нарушилось только с приходом женщин. Вера держалась за плечо юной ведуньи, совсем непросто дался ей обряд. Маришка села рядом с другом и тот сразу сунул в ее подрагивающую ладонь «батарею». Через минуту ее лицо порозовело.

– Слушайте внимательно! Две недели никаких контактов друг с другом, поститесь. – Маришка связывала волосы в привычный конский хвост – Я рассказала Вере, что можно употреблять, главное ничего животного не ешьте, тела должны приспособиться к новому обмену веществ.

Глава вторая.

Маришка свернулась клубочком на стоящем под навесом старом диване и спала. Ее спутник смотрел на девушку и слушал звуки сельской ночи. Оглушающий концерт сверчков и далекий смех сельской молодежи, сонное мычание коровы и мат упавшего в канаву пьяницы. При желании он мог бы разобрать все эти звуки на составные части и узнать почти все об источниках, но было лень. Гораздо большее удовольствие доставлял этот нейтральный шум. Не отвлекающий, после обильной еды, он убаюкивал.

Вова сам не заметил, как уснул, ему приснился сон, тяжелый и тоскливый, как будто он снова бродяжничает в Харькове, голод и холод, злыми псами вгрызаются в немытое тело...

– Тыщенко сегодня на смене, – шепнул ему идущий мимо Леша-лохотронщик.

Вова вздохнул, день начался хреново, и ему сильно повезет, если он останется при своих. Тяжелая, шестьдесят-лохматого года выпуска, коляска, закрипела. Делать нечего, придется идти на промысел, иначе Дуся его изобьет и, что гораздо хуже, не накормит. В двенадцать лет Вова точно знал, что мир это одна большая помойка, и ему в этой помойке барахтаться на самом дне. В переходе были люди – вокзал не засыпал никогда, но пока не пошли электрички с работягами из пригородов и заработка не будет. «Колхозники» жили беднее, но «копеечку» кинут куда охотнее, чем злая и не выспавшаяся дочка бизнесмена, возвращающаяся на учебу.

Он еще не скинул плед, но уже мерз. Вот его место, за которое Дуся отстегивала вокзальным ментам. Если бы сердобольные прохожие знали, что за право попрошайничать в переходе, он каждый день платит столько, сколько не каждый из них зарабатывает за неделю, они бы задумались что лучше, работать или просить милостыню. Вова грустно усмехнулся, как и в любом бизнесе, львиную долю прибыли, забирал себе организатор, а не исполнитель.

Вова размотал плед, и поправил искореженные ноги, он их никогда не чувствовал, но Дуся уверяла что если их вывернуть определенным образом, то выглядит жалостливее. Табличка с криво написанной просьбой помочь, кто, чем может, привычно уперлась в подбородок. В детском доме парень учился лучше всех, но Дуся высмеяла его табличку, где он красивым почерком и вежливо обращался к людям с просьбой оказать материальную помощь калеке. Где ты видел, сквозь хохот сказала она, грамотного нищего? Мы должны быть убогими, и глазами тоже нечего искрить, лучше дебилом прикинься!

Полгода спустя, глаза мальчика действительно потухли. Холодный в любую погоду подземный переход, отвратительная бурда, которую, вечно пьяная Дуся, почему-то называла едой, побои, не они сломали парня, нет. Безысходность, вот груз что убил в нем желание жить. Что бы он ни делал, он останется тут, и ничто не способно это изменить. Кроме разве что Бога, но к собственному несчастью, Вова был умным мальчиком и понимал, что Всевышний вряд ли будет вмешиваться в его глупую жизнь. Делать в переходе совершенно нечего, и парень думал, целыми днями, это сводило с ума и приводило в ярость. Если бы он был, хоть чуть-чуть глупее, жизнь стала бы проще. Не лучше, но проще. Когда нет осознания, что ты живешь в грязи, нет, и желания из этой грязи выбраться.

Толстая тетка, со словами «бедный ребенок», кинула ему пятерку, Вова фальшиво улыбнулся и перекрестился. Таких теток он ненавидел всей душой, потому что одна из таких бросила его в роддоме, возможно, эта самая. Конечно, парень понимал, что это маловероятно, встретить собственную мамашу, и ненавидел всех. Да, он родился уродом, кто знает, что произошло с женщиной родившей его во время беременности. Упала? Выясняла отношения с благоверным? Пыталась самостоятельно аборт сделать? В одном он был уверен, изувеченные ноги, последствия травмы, а не генетического уродства. Когда «мамочка» увидела, что произвела на свет, мигом забыла про материнский инстинкт и написала отказ.

Еще в детском доме, слушая сопливые мечты товарищей о мамочке и папочке, он рисовал в голове картины мести этой сучке, что родила его. Он не тешил себя надеждами, что его перепутали в роддоме, а на самом деле его настоящие родители красивые и богатые. Вова точно знал, почему он спит на скрипучей кровати в комнате с еще двадцатью такими же неудачниками, он урод и этим все сказано.

Потом в детском доме сменилось руководство, и плохая кормежка превратилась в тест на выживание. Один идиот пожаловался комиссии из Киева на плохое питание, дядечки и тетечки поохали, по-ужасались, получили положенный конверт с взяткой и свалили обратно в Киев. А правдолюбца завели к кабинет к директрисе и долго били. Чтобы не оставлять ненужных следов, били чулком, набитым песком. Правдолюбец неделю мочился кровью, потом, когда он отошел, его еще раз потащили в кабинет, тот возил ногами по полу и орал что больше так не будет.

Он не соврал, через месяц, он сбежал и вряд ли к тетечкам и дядечкам из комиссии. Вова тоже долго не задержался, основной принцип, нового руководства «кто не работает, тот не ест», доводил его до голодных обмороков. С изувеченными ногами грядки полоть не получалось, а на более легкие работы всегда хватало и здоровых желающих. Парень пробрался ночью в бухгалтерию, вскрыл, заранее украденными ключами, сейф, вытянул все деньги, что там лежали, и дал деру.

Проверять чем будут бить его, если поймают, не хотелось, и он рванул из Львовской области в противоположный конец страны, в Харьков. Сначала на него косились из-за акцента, но

не трогали, жалели калеку. Потом появилась Дуся, пропитая до предела бывшая проститутка с Южного Вокзала. Поскольку на ее дряблые прелести не соблазнялись денежные мужики, она создала артель нищих и побирušек. Нужные связи с ментами у нее были еще со времени ее труда на «стеze порока», а найти в полутора миллионном городе пять-шесть старух и калек, не составляло труда.

Если бы она еще не пила, цены бы ей не было, вяло думал Вова, трезвая человек, как человек, пьяная – дура конченная. И готовит отвратно, хотя можно и на деньги что остаются питаться, Дуся, была далеко не глупая женщина и оставляла кое-что своим подопечным.

Вова же сэкономил на новое кресло, Дусе, понятное дело, новое кресло ни к чему, а он устал от этой рухляди. И все равно, жизнь была гораздо вольготнее, чем в детдоме, хоть дисциплиной никто не донимает, думал мальчик, да и бурду Дусину, хоть и с трудом, но есть можно. Бывало, Дуся на шаурму расщедриться.

Молодой человек заворочался во сне, он не любил прошлое вспоминать, милосердная память показала ему момент, когда он встретился с Вадимом. Тот же переход, но из сна исчезла черная пелена отчаяния, потому что Вадим уже спрыгнул с подножки поезда и, закинув на плечо тощий джинсовый рюкзак, бодро зашагал к тоннелю.

Никто так и не узнал, откуда приехал Вадим, он просто сошел с Воркутинского поезда, а как он на него попал, осталось загадкой.

Высокий, стройный, но не худой, с длинными темно-каштановыми, чуть вьющимися волосами и карими глазами, на таких любят смотреть девушки, когда думают, что никто этого не заметит. Суховатые, резко очерченные черты лица, смягчала добрая, открытая улыбка. Он уже собирался спускаться в подземный переход, когда его догнала полная женщина в форме проводника. Запыхавшаяся, она прижимала к груди потрепанный пакет:

– Вадик, денег не берешь, так хоть поесть возьми... – она робко, что совсем не подходило ее объемным формам и грозному виду, сказала она.

Вадим, белозубо улыбнулся, но весь пакет брать не стал, только выудил из него пять пирожков, завернутых в прозрачную пленку.

– Я за тебя всю жизнь поклоны бить буду... – охала проводница – все что хочешь для тебя сделаю!

– А вот это лишнее, – нахмурился Вадим, со стороны это наверное выглядело странно, молодой, лет двадцати пяти парень поучает женщину, вдвое старше его, только им обоим было безразлично мнение окружающих – нельзя обещать то, что трудно исполнить, и, тем более, нельзя давать обет исполнять чужую волю, это обещание раба.

Женщина молчала, только открывала и закрывала рот, не зная, что сказать. Вадим снова улыбнулся, погладил ее по руке и зашагал вниз. Проводница, шмыгая носом, побрела к своему поезду.

Харьковский вокзал напоминает двуликого Януса, наверху величественное здание, с красивым ремонтом и элегантными фонтанами на привокзальной площади, и уродливое подземелье под ним. Красота не привлекла Вадима, и он сразу пошел в нижний вокзал, тем более, оттуда можно было попасть на станцию метро.

Парень не спешил, не обремененный багажом и спешкой, он решил прогуляться. Проходя мимо вечно пьяных и неряшливых продавщиц хот догов, он задержался изучая цены. К нему сразу же подбежал пацаненок лет десяти и стал требовать подачку:

– Дяденька, дай на хлебушек!

Вадим молча вытащил из пакета три пирожка и протянул мальчику. Тот автоматически взял их в руки, посмотрел на Вадима злым, не детским взглядом и бросил пирожки на замызганный пол.

– Я просил «на хлебушек», а не «хлебушек», козел! – прошипел пацан и убежал.

Вадим засмеялся и пошел по коридору. Вереница магазинов и комнатух со стойкой, которые назвать кафешками не повернется язык. Там торговали спиртным на разлив, сонные барменши, лениво протирали свои обшарпанные стойки и готовились к наплыву рабочего люда. Судя по сивушному запаху, подавали в этих забегаловках, отнюдь не коллекционное бордо. Парень поморщился от вони и пошел к метро.

В кафельном тоннеле краснолицый лейтенант милиции стоял рядом с сидящим на инвалидном кресле подростком, и что-то говорил ему. Вадиму стало интересно, он подошел поближе:

– Кончай мне втирать, бомжатская харя, – лениво растягивая слова, ругался милиционер – что значит «нету», бабки гони!

– Да я только вышел, еще ничего не собрал... – оправдывался попрошайка.

– Так, значит, будем оформлять... – Вадим брезгливо поморщился, он узнал классическую форму развода на деньги, узаконенный грабеж. Ведун посмотрел на пацана, тот не врал, денег, во всяком случае, в том размере, что требовал нечистоплотный страж порядка, у него действительно не было. Твердым шагом он подошел к ним. Милиционер напрягся было, но увидев потрепанные джинсы и выдавшую виды кожаную куртку, решил, что Вадим не опасен.

– Чего надо? – Тыщенко демонстративно положил пухлую ладонь на дубинку, с похмелья у него болела голова и хорошего настроения этот факт не добавлял.

Вадим пристально посмотрел ему в глаза, страж порядка хотел было отвести взгляд, но не смог. Его парализовало, он даже не мог моргнуть, а глаза этого оборванца тянули вглубь себя, сильнее и сильнее. Тыщенко глухо замычал от боли, странной боли в голове и груди. Как будто все кого он лупил своей любимой дубинкой, сразу отвесили ему оплеуху. Вова ошалело смотрел как под взглядом незнакомого мужчины, злобный Тыщенко съеживается. Милиционер уже не напоминал сытого хищника, маска, которую он носил много лет, убедив всех, включая самого себя, что это настоящее его лицо, сползла, открыв перепуганного и трусливого человека. Рыжие волосы патрульного стремительно седали, скорее всего, он бы умер, не отпусти его Вадим. Но ведун не хотел его убивать, он хотел, чтобы этот конкретный человек уже никого и никогда не смог обижать.

Седой, трясущийся от страха, Тыщенко бежал по переходу, благодаря Бога, в которого не верил до сегодняшнего утра, что остался живой. Прыгнув в первую попавшуюся электричку, он уехал в Люботин, оттуда в Сумы и никогда уже не видел Харьковского вокзала, разве что в кошмарных снах.

Вова смотрел на Вадима как на ангела божьего. Человек сумевший напугать зарвавшегося Тыщенко, казался небожителем. Ведун обернулся к калеке, на лице сияла привычная доброжелательная улыбка, и только на дне глаз еще сверкала сила. Мальчик съежился в кресле, он настолько привык получать пинки от судьбы, что и сейчас не ждал ничего хорошего.

– Пойдем со мной, если хочешь. – у Вадима был приятный голос, ему хотелось верить и идти с ним. Вова колебался не больше секунды, терять ему было по сути нечего, и калек хватился за отполированные колеса кресла. Вадим покачал головой. – Нет, если я сказал, пойдем, это означает, пойдем, а не поедем. Понял разницу?

Вова сглотнул, страх перемены, и страх что все это окажется сном, топили сердце мутной водой. Еще в детском доме он наслушался библейских историй, и помнил, что там надо было верить, чтобы чудо произошло. Но вот как раз веры в это чудо у него не было. Надежда, отчаянная и робкая, но не вера.

Вадим понимающе хмыкнул и щелкнул пальцами. Впоследствии, Вова узнал, что внешний жест всего лишь высвобождает энергию скрученную колдовством, и можно до посинения щелкать пальцами, но если нет особой силы, толку не будет. Но пока он только почувствовал, что вечный холод, что заморозил и исковеркал его ноги, отступает, конечности покалывало, через полминуты, покалывание перешло в боль. Вова схватил себя за вывернутые наружу

колени, но и боль отступила достаточно быстро. Раздался отчетливый хруст, кости и мышцы трепетали под кожей. Ноги выпрямлялись и меньше чем за пять минут превратились в нормальные, только слегка худые.

– Господи Иисусе... – залепетала бабка стоящая рядом, что было странно, так как она изображала слепую. Но Вадим не обратил на нее внимания, он присел на корточки и растирал голые ноги Вовчика.

– Ты Бог? – шепотом спросил мальчик.

– Ага, только нимб в поезде забыл! – засмеялся Вадим – Так, все это хорошо, а где твоя обувь?

Вовчик развел руками, кудесник задумался, осматриваясь. Увидел киоск набитый всякой ерундой, на витрине, рядом с одноразовыми китайскими плеерами лежали резиновые тапки.

– Подожди меня здесь. – велел он и пошел к киоску.

Продавщица Софочка наблюдала за произошедшим. Она еще не решила, как относится к увиденному. Природный скептицизм убеждал ее, что это всего лишь фокус. Но патлатый паренек смог напугать до седых волос Тыщенко, этого она не могла объяснить никакими фокусами. Он симпатичный, решила она и оперлась о прилавок, позволяя ему увидеть свою грудь, которой Софочка по праву гордилась. На колдуна это не произвело впечатления, он смотрел ей только в глаза.

– Чего хочешь за тапочки? – спросил он, продавщица поняла, что не интересуется его и обиделась.

– Не видишь? – раздраженно сказала она – Пятьдесят.

– Денег пока нет, – спокойно ответил Вадим – потому и спрашиваю, что ты хочешь за тапки? Я могу много – подумав, добавил он.

– Ты гибрид Золотой рыбки и Хоттабыча? – ехидно спросила Софочка – Значит, я хочу, – она демонстративно начала загибать пальцы – дачу на Канарах, миллион баксов и принца...

Софочка осеклась, увидев полыхнувший в глазах парня огонь, она поняла, что перегнула палку и сейчас с ней может произойти то же что и с Тыщенко. Вадим закрыл глаза и через секунду опять открыл. Пламя исчезло, обыкновенные карие глаза, только на дне едва заметные искорки. Продавщица молча достала с полки первые попавшиеся тапочки и протянула колдуну, в том, что этот парень колдун, она не сомневалась. Главное, думала она, чтобы он побыстрее убрался, кто знает, на что он еще способен.

– Благодарю, – вежливо сказал Вадим – ты хорошо поступила.

– Да это... – Софочка смутилась – ничего, особенного...

– Не люблю быть в долгу, – тепло улыбнулся Вадим, если бы минуту назад, она не видела его глаз, продавщица решила бы что он с ней заигрывает. Но нет, этот человек, человек ли, говорил только то что думал. – вот тебе мой подарок. Ты можешь забыть про диеты, те заветные пятьдесят четыре килограмма придут через два дня и будут сохраняться. Устраивает тебя такая плата?

Софочка кивнула, она даже в мыслях не позволила себе усомниться в его словах. Вадим повернулся и пошел к мальчику в инвалидной коляске. Продавщица никогда больше не видела его, но даже через тридцать лет, ее фигура выглядела отлично, и сохранялся вес в пятьдесят четыре килограмма. Только дважды в жизни она превышала этот вес, когда была беременна сыном и дочерью, но не обижалась на колдуна за это отступление от слова.

Колдун протянул руку и мальчик ухватился за твердую ладонь и поднялся. Шатался, но стоял. На лице нищего застыла ошарашенная улыбка. Медленно они пошли к стеклянным дверям метро, с надписью «вход».

Вовчик не любил когда ему снилось прошлое и, словно подчиняясь его желанию, сон сменился. Улыбающаяся Маришка брызгает на него прохладной водой, прибор кипит у ее коленей. Она так восхитительна и чудесна.

Маришка проснулась от того что ее кто-то звал, она по-детски потерла кулачками глаза и осмотрелась. Так и есть, Вовчик бормотал во сне ее имя. Девушка улыбнулась, она не знала точно кому обязана таким отношениям, случаю или Учителю, но их любовь почти никогда не омрачалась ссорами. Они чувствовали друг друга слишком сильно, чтобы причинять боль.

Хозяева побоялись их будить, только прикрыли одеялом. Впрочем, ночь была теплой, и париться в душном доме, не лучшая идея. Девушка выскользнула из-под одеяла и подошла к рукомойнику, прибитому к стене сарая. Прохладная вода освежила ее и прогнала остатки сна.

Предрассветные сумерки самое время для прогулки, решила Маришка. Она оглянулась, ее друг спал, что-то бормоча во сне. Девушка где-то слышала, что уважаем мы людей за их достоинства, а любим за недостатки. Вовчик любил поспать, в принципе, они могли не спать неделями, но это еще не значило, что им это нравилось.

Маришка еще раз взглянула на любимого и побежала к реке. Густая не скошенная трава, покрытая росой, намочила штаны до колен. Девушка предпочла бы бежать нагой, но это вряд ли оценили идущие в коровник доярки. Она вспомнила Тихий Бор, затерянный в лесах уголок, где не надо притворяться. Дом, и это не вонючая общага, откуда ее забрал Вадим.

Река дымилась туманом, Маришка скинула штаны и зашла в воду. Она успела перепробовать разного купания, но твердо верила, что нет ничего лучше, чем поплескаться в предрассветной водичке, не зря ее в народе сравнивают с парным молоком. Северский Донец в этом месте был не широк, метров десять и Маришка решила поплавать вдоль, чтобы разогреть мускулы.

– Что шумишь! – услышала она раздраженный голос с берега – Всю рыбалку распугала!

– Ой, – девушка повертела головой отыскивая неведомого рыбака – извините, я же не знала.

На сделанной из толстых сучьев сиже, сидел пухлый мужчина лет сорока. Поношенный костюм и старомодная рубашка, а также обширная лысина, делали его похожим на Хрущева. Удочку, сделанную из прута лещины, он воткнул в щель между сучьями и, с аппетитом жевал объемный бутерброд с салом. Хозяйский такой бутерброд, подумала Маришка, сало толще хлеба. Еще она догадалась что купание закончено. И подплыла к берегу.

– Доброе утро, Степан Аркадьевич. Какими судьбами? – спросила девушка, выходя на берег и отжимая волосы.

– Да я так, порыбачить... – девушка невежливо хмыкнула, уж что-что а переться за пару сотен километров на рыбалку, Степан Аркадьевич вряд ли бы захотел. Толстяк засмеялся, видя ее недоверчивую мину. – Ладно, расколола как шпиона! – он вздохнул, что при его толщине впечатляло – Никодиму все нейдет, тем более что вы прямо из кожи вон лезете, чтобы достать старого маразматика.

– И чем это мы ему мешаем? – зло спросила Маришка, Степан Аркадьевич только развел руками.

– Никто не любит конкуренции, тем более что ваш товар пользуется большим успехом.

– Это не товар! – присевшая было Маришка, вскочила – Мы людям помогаем, а не бабло рубим!

– Так уж бесплатно? – ехидно переспросил толстяк.

Девушка хотела ответить резкостью, но передумала. Она всегда отличалась трезвостью мышления.

– Мы же живые люди, а не святые – тихо сказала она – ты знаешь наш принцип, мы не берем денег с бедных, с обеспеченных, сколько дадут....

– А богатых?

– А у богатых и так денег больше чем надо! – отрезала Маришка – Хватит демагогию разводить, говори зачем пришел?

– Ну никакого уважения. – Степан Аркадьевич сделал вид что обиделся, правда, не слишком убедительно – Извини, Маришка, я действительно верю вам, иначе бы не помогал.

Степан Аркадьевич работал на скромной должности бухгалтера, Никодим не доверял деньги помощникам, а у Степана Аркадьевича была безупречная репутация. Как Вадим вышел на пухлого бухгалтера, для Маришки оставалось загадкой, но он снабжал их крайне важной информацией, благодаря ей удавалось избегать серьезных столкновений. И он здорово рисковал, Маришке стало стыдно.

– Извини Степан Аркадьевич, просто ты приносишь плохие вести, и у меня плохое настроение.

– Лучше плохие вести вовремя, чем глупая радость перед эшафотом.

– Что настолько плохо? – девушка заметила, что обычно жизнерадостный бухгалтер заметно беспокоился.

– Никодим нанял двух киллеров. Единственное что я слышал о них, это клички. Странные, хотя у уголовников иногда ум за разум заходит.

– И что за клички? – спросила Маришка, она не слишком беспокоилась, обычные убийцы, вряд ли могли им помешать.

– Вязальники, так вроде.

Маришка почувствовала, как холодок пробежал по спине и отдаваясь неприятным ощущением страха в затылке.

– Может «вязальщики»?

– Точно, вязальщики, ты слышала о них? – Степан Аркадьевич полез в потертый портфель за еще одним бутербродом.

– Срочно бери ноги в руки и беги отсюда! – бухгалтер замер с куском хлеба в руках и медленно повернулся к Маришке. Такой перепуганной он эту девчонку не видел никогда. А девочка была не из робкого десятка. Вадим кого попало, на такую работу не пошлет.

– Что значит беги?

– Значит, бросай свой холестериновый бутерброд и бегом к трассе, лови попутку и постарайся оставить между этим селом и собой побольше километров, понял? Не пытайся с нами связаться, это слишком опасно, если вдруг ты понадобишься, мы тебя сами найдем. – Маришка смотрела на трясущегося толстяка – Если почувствуешь, только почувствуешь, что тебя заподозрили, выбирайся к Чертовому Яру, тебя прикроют. А еще лучше отправляйся туда сразу. Ты нам очень помог, мы не хотим, чтобы ты пострадал.

– А если... – робко проямлил Степан Аркадьевич.

– Никаких если, – Маришка взяла себя в руки и привычная уверенность опять появилась в голосе – Никодим связался с вязальщиками.

– И что это значит?

– Будет большая заваруха.

Пухлый бухгалтер, неловко переваливаясь, посеменил к трассе. Маришка развернулась и опрометью кинулась к дому Михайло. По пути она вспоминала все, что рассказывал о вязальщиках Вадим.

Киллеры, куда там психам с винтовками. Эти твари способны парой опустошить село за полдня. В том что они придут парой она не сомневалась. Вязальщики всегда перемещались парами. Даже их маскировка почти не менялась: огромная толстая баба и рядом с ней суетливый невзрачный мужичок. Самец и самка и каждый по своему опасен. Самка невероятно сильная, а самец быстрый, оставалось надеяться, что не настолько быстрый как ведуны. Но бой будет серьезный, пьяные мужики из Нижних Тернов, не успели бы даже ничего понять, если бы на них напали вязальщики. Главное помнить, у них только одно уязвимое место в центре

брюшины. Бить надо точно и со всей силы, только бы они не добрались до Вовчика, сам он их не одолеет.

Невысокий заборчик, отделявший двор от огорода, Маришка перепрыгнула и, оглушительно свиснув, помчалась к висящему на ветке рюкзаку. Вовчик не стал тратить время на выяснение обстоятельств и выхватил из-за пояса рукоять, еще через секунду призрачный колдовской булат мерцал в его руках. Маришка отвлеклась всего на секунду и магическим жестом запечатала дверь в дом, не хватало еще, чтобы хозяева увидели все это, а тем более пострадали.

Они успели, ворота открылись, и во двор заглянул тощий невысокий мужчина с рыжими волосами и блеклыми невыразительными глазами, он мял в руках кепку. Вязальщики плохо видели, он чувствовал ведунов во дворе, но не мог видеть, что они уже стоят в боевых стойках:

– Добрый день, люди добрые, – просипел он – тут ведуны остановились? Мне бы жену подлечить....

После, проанализировав бой, Вовчик понял, что безалаберность хозяина, спасла жизнь ему и возлюбленной. Плохо закрепленный лист шифера на крыше сарая треснул под солидным весом вязальщицы. Она уже мало походила на человека, только лицо еще выглядело лицом обычной уставшей от жизни и забот толстой курицы, в меру хмурой и в меру туповатой. Именно на такую женщину никто не обратит внимания. Кто поверит, что за такой личиной скрывается одно из самых омерзительных изобретений папы Адриана, психа и фанатика. Стокилограммовое паукообразное, ядовитое детище средневекового алхимика, прыгнуло, широко расставив лапы, еще не зная в какую сторону, попробует отпрыгнуть Вовчик. Но ведун не стал уходить с линии атаки, наоборот рванулся вперед. Паучиха не успела подтянуть вооруженные внушительными когтями лапы и ведун по рукоять вогнал сталь в центр живота, туда где сходились сегменты лап.

В боевом режиме ведун мог столкнуть с места груженный щебнем вагон, однако паучиха атаковала с бешеной скоростью. Вовчик почувствовал, как в спине что-то хрустнуло, но устоял, не дал жвалам дотронуться до себя и отбросил корчащегося паука в сторону. Все это не заняло больше трех ударов сердца, ведун обернулся к самцу.

Его руки и ноги разделялись вдоль, маскирующая щетина еще сохраняла вид обрывков одежды. Лицо от переносицы до подбородка разделилось открыв жвалы, глаза еще похожие на человеческие хранили доброжелательное выражение а на левой челюсти застыла виноватая улыбка. Вязальщик не стал кидаться на двух ведунов в лоб, помня чем это закончилось для его самки. Он упал на все восемь лап и резво забежал на стену дома.

– Маришка, он будет вязать! – заорал Вовчик и активировал кольчугу. Тело девушки как будто усыпали блестками, она тоже включила защиту. Вязальщик выкинул первую нить, его расчет был прост, запутать ведунов, лишить основного преимущества, скорости. Он держался подальше, не желая напороться на сталь, и чувствовал себя в безопасности. Вовчик уклонился от очередной нити. Белесая, не толще спички, она была прочнее стальных тросов и покрыта липким ядом, способным, пусть и не сразу проесть кольчугу. Уклоняться становилось все труднее, вязальщик выбрасывал паутину слишком быстро, заполняя свободное для маневра место.

– Прикрой! – приказала Маришка, Вовчик не стал рассуждать и дал ей то, что она хотела, две секунды времени. Он почувствовал жгучую боль в бедре, нить оплела ногу, ведун отсек нить, вязальщик не успел дернуть за нее, но яд разъедал защиту слишком быстро. Вовчик очень надеялся, что Маришка знает, что делает.

Девушка кинулась к рюкзаку, сделала кувырок, избегая очередной нити, и выхватила пистолет. Первый выстрел оторвал вязальщику лапу, тот тонко, почти в ультразвуке, завизжал от боли и ярости. Второй выстрел снес ему пол головы, для верности, девушка всадила в паука еще пол обоймы.

Она подошла к подрагивающему лапами вязальщику, тот зачем-то пытался натянуть на себя маскировку. Уцелевшая половина лица меняла выражения, гнев, улыбка, стеснение, укор.

С другой стороны бешено метались изувеченные жвалы. Ведунья методично всадила оставшиеся в обойме патроны в голову паука. Посмотрела на Вовчика, тот сидел на лавке и поливал ногу самогоном, спирт нейтрализовал яд и через минуту почерневшая паутина отвалилась.

– Как ты? – спросила девушка.

Вовчик промолчал, пододвинул два стакана и налил в них самогон. Они выпили, для деревенской отравы, напиток оказался не совсем плохим, видимо Михайло гнал его исключительно для себя.

– Надо прибраться! – сказал ведун, осматривая двор.

Маришка согласно кивнула и сосредоточилась. Песня Мокоши, заклятье не слишком энергоемкое, но требующее концентрации, выжгло всю паутину. Вовчик кряхтя поднялся, трупами вязальщиков предстояло заняться ему. Хромая, нить все же успела его достать до живого тела, он соорудил гравитационную аномалию и свалил тела в бортовой уазик, стоящий возле колодца.

Глава четвертая.

В уазике было тесно втроем. Маришка сидела на коленях у Владимира и билась головой об потолок, каждый раз, когда машину подкидывало на ухабах. Наконец они подъехали к пруду.

– Вот он. – сказал Михайло, пытаясь выбираться из кабины – Сюда лет двадцать назад спихнули полвагона удобрений, так что к пруду никто не подходит, место глухое.

Пруд действительно представлял собой мрачное зрелище, вокруг него на полсотни шагов не росло ничего, даже бурьян не выдерживал соседства с насыщенной химией водой. Впрочем, воды в пруду было не много, скорее это было похоже на вонючую черную жижу. От зараженного водоема отвратно несло прокисшими щами.

Пока Вова концентрировался, чтобы левитировать трупы вязальщиков, Маришка решила поговорить с Михайлом:

– Слушай внимательно. – мужчина уже не удивлялся и не возмущался тем, что подростки указывают ему, что делать, сейчас его заботило только одно, быстрее избавиться от них и забыть обо всем – Ты думал, как расплатиться с нами...

– Откуда ты узнала? – удивился было толстяк, а потом махнул рукой и замолчал.

– Вот твой шанс снять с души долг. – продолжила девушка – Значит, ты нас не видел никогда, в дом мы к тебе не приходили. Даже на исповеди или спьяну ты никому никогда не разболтаешь! Уяснил?

– Да... – Михайло слегка сомневался в крепости обещания, особенно в нетрезвом виде, но предпочел согласиться – А?

– Не бойся, две недели поститесь, потом у вас все получится. – успокоила мужчину Маришка, подумала и добавила – Передай это жене.

Она сунула Михайло какую-то веточку, с привязанной розовой ленточкой. Тот повертел ее в руках, хмыкнул и спрятал в карман. Он не знал, что это мощнейший оберег, а вот Вера тщательно берегла подарок и наказала детям передавать из поколения в поколение. Никогда больше в их семье женщины не знали бесплодия, проблем по-женски и патологий у детей.

Владимир не сдюжил отправить трупы сразу в пруд и сначала плавно спустил их на землю рядом с уазиком. Брезентом он их накрыл еще до того, как выпустил из дома хозяев и Михайло не знал, что под ним.

– Что там? – спросил он у ребят.

– То, что припрется за вами, если не будешь держать рот на замке. – пожала плечами Маришка.

– Глянуть можно? – любопытство съедало мужика.

– Да, пожалуйста! – ухмыльнулся Вовчик.

Михайло поднял брезент и несколько секунд всматривался, пытаясь понять, что это за мешанина хитина и остатков маскировочной шерсти. Когда до него дошло, что лежит под тканью, он взвизгнул от ужаса и забежал за уазик. Вот там его уже вырвало.

– Это пришельцы? – в перерывах между уже пустыми спазмами, спросил он.

– Нет, – Вовчик не видел смысла скрывать правду от человека – древнегреческая богиня прокляла брата и сестру на вечные муки, обратив в пауков. А один психопат-алхимик в средневековье, научился делать тоже самое из рядовых средневековых граждан.

– Так они люди? Кому могла прийти в голову мысль, такое с людьми сотворить?

Вова развел руками. Для него тоже были загадкой мотивы папы-алхимика. Но время поджимало, он собрался с силами и приподнял мысленно две туши. Руками их касаться было опасно, яд еще не перебродил в трупах. Наконец когтисто-ядовитых наемников поглотила черная жижа пруда.

– Все, Михайло, – сказал он мужику – нам пора, до завтра надо попасть в Белгород. Помни, не трепи языком, ты обещал.

– Спасибо вам, наверное. – Михайло еще находился под влиянием увиденного, был зеленоват и его трясло.

Он уже сел в машину и завел тарахтящий мотор, когда вспомнил наказ жены. Выскочил и окликнул уходящих прямо через луг ведунов. Пыхтя и отдуваясь он подбежал к ним и поклонился.

– Спасибо, действительно, спасибо. – он все же был не бессовестным человеком – Просто испугался я этой пакости. Вот, держите.

Михайло попытался сунуть им в руки деньги. Маришка и Вовчик не попытались даже прикоснуться к деньгам. Маришка пояснила:

– Мы не берем денег вперед. Никогда. – она мягко отстранила его руку.

– Но я же вам верю. – пролепетал Михайло и сам себе удивился, ведь доверчивостью он никогда не отличался.

Владимир рассредоточил сознание и поплыл по округе, обнимая душой местность. Вот черным пятном гниет пруд, он стал еще чернее и отвратнее из-за утопленников. Наконец он накрыл мыслью село где они только что были. Бордовый цвет горя и отчаяния больше всего шел от предпоследнего дома, почти возле реки. Женщина. Старая. Одна.

– Вот что, Михайло. – сказал он – Возле реки, предпоследний дом, кто там живет?

– Борисовна. – мужчина пытался сообразить, к чему клонит ведун – Старая кляча, вредная и злобная, активистка, мать ее. Все на меня кляузы строчит в сельсовет.

– Поздравляю, ты попал. – усмехнулась Маришка – Хочешь отблагодарить нас? Корми и заботься о ней. Она одна, вот и злая как упырь в полнолуние.

– Может, лучше деньгами? – Михайло мысленно застонал, старушку он, мягко говоря, недолюбливал.

– Совесть, – улыбнулся Владимир – совесть не даст тебе оставить нас, без награды. Долг платежом красен и все такое.

– Да уж... – пробормотал Михайло и пошел к машине, зажав в одной руке деньги, а в другой усердно почесывая затылок. Впрочем, он не прогадал, исполнив волю ведунов. Как только Антонина Борисовна поняла, что Михайло не пытается ее подкупить, а просто помогает, то ее одинокая душа раскрылась, отдаваясь теплом и лаской. А уж для новорожденной Тани, она была даже лучшей бабушкой, чем мать Михайло.

Вовчик и Мариша видели это как зеленеющие векторы судеб этих людей. Они улыбались, ведь они любили то, чем занимались. Ведуны вышли прокатанную в полях грунтовку и зашагали к трассе.

– В Белгород, как я понимаю, мы не пойдем? – уточнила Мариша.

– Разумеется. – пожал плечами Вовчик – Вязальщики наемники, надо связаться с Вадимом. Да и остальных предупредить следует.

Глава пятая.

В кабинете едва слышно наигрывала музыка. Усладя слух хозяина, но при этом не мешая разговору. Что-то среднее между церковным детским хором и классикой. Приятно и ненавязчиво. Сам кабинет был обставлен с неброской скромностью действительно богатого человека. Стены обклеены шелковыми обоями, мебель антикварная и дорогая. Вместо картин иконы. Подлинники шестнадцатого века. Хозяин сидел в огромном резном кресле, хмурый и недовольный. Гостья удобно расселась в кресле для посетителей, закинув ногу на ногу и лоя хмурые взгляды хозяина на своих голых коленках.

– Тебя что, не учили как надо одеваться при посещении храма? – буркнул толстый здоровенный старик и поправил красную ермолку кардинала.

– Я сюда не на исповедь пришла. – нагло ответила гостья – Сами вызвали.

– Ты того, не борзей! – вспыхнул кардинал – Помни с кем говоришь!

– Ваше высокопреосвященство, – гостья наклонилась чуть вперед – я оперативник, у меня есть свой модус операнди. Я же вас не учу как паствой управлять?

– Выучили на свою голову. – пробурчал кардинал, потом достал из стола папку и протянул гостье – Надеюсь ты хоть на половину так же хороша в работе, как в наглости.

Гостья отбросила вызывающее поведение и углубилась в чтение досье. Кардинал не сказал, что данные секретны, впрочем, это и не требовалось. Она знала, что Русская Экуменическая Церковь не любит болтунов. А вот досье впечатляло. Периодически ее нанимали для подобных заданий, но обычно это были мелкие шарлатаны. Для отставного оперативника МГБ, это были легкие денежки. Тут же все было как-то странно. Она просмотрела досье еще раз. Все равно не складывалось одно с другим.

– Ваше высокопреосвященство, – гостья уже не пыталась дразнить кардинала и разговор перешел в деловое русло – у меня есть несколько вопросов, вы не против?

– Спрашивай, дочь моя. – милостиво согласился иерарх.

– Зачем вы посылали к ним киллеров? Куда проще было бы разоблачить шарлатанов, облить грязью в прессе и посадить как аферистов?

– Не получается. – кардинал криво ухмыльнулся – Хитрые сволочи.

– У них компромат есть? – гостья постаралась чтобы ее голос звучал ровно, одно дело чуть-чуть подразнить старого падре, совсем другое шутить с иерархом РЭЦ. За это недолго и на пожизненное покаяние в отдаленный монастырь угодить.

Теперь все становилось на свои места. Ушлые конкуренты в деле вербовки душ, нашли компромат на церковь и прикрываясь им и либеральным отношением властей к неэкуменистическим сектам, творят свое черное дело. Хотя она никогда особо не была религиозна, но впитала еще имперскую неприязнь к нововведениям вроде отделения церкви от государства. Что хорошего, спрашивается, может случиться если власть не будет контролировать веру населения? Ничего. А с последствиями она и разбиралась.

– Мне необходимо знать, что за материалы, как сохранены и какой объем информации... – она уже начала отрабатывать свой немаленький гонорар.

– Не спеши впереди паровоза! – оборвал ее кардинал – Нет у них компромата, насколько нам известно, во всяком случае.

– Тогда в чем проблема? – удивилась гостья – Мучеников из них делать смысла нет. За жабры и на нары.

– Они не шарлатаны, вот в чем проблема. – рявкнул толстяк в сутане, видимо секта его основательно достала – Не знаю какой дьявольской силой, они это творят. Но чудеса у них настоящие.

Гостье не хотелось браться за это дело. Чувала нутром, поганое дело, сволочное. Интуиция ее редко подводила, но и отказать было нельзя. Кроме того, с задания исчезли два вязальщика. Что вообще ни в какие ворота не лезло. Обычно, после их работы, приходилось прятать трупы и много трупов. С робкой надеждой она спросила:

– Вы хотите, чтобы я порылась в источниках и откопала что-нибудь на них?

– Буду я платить такие бабки за то, – ухмыльнулся кардинал – что любой дьячок для меня даром сделает. Да и работают уже. Только без толку. На рядовых даже ничего серьезного нарыть не можем. А про лидера ничего не знаем. Так что собирайся, дочь моя, в путь-дорожку.

Гостья поднялась и собралась выйти. Кардинал кашлянул и она опомнилась. Приклонила колени, как положено и приняла пастырское благословение на ратный труд. Причем она отметила, что иерарх ее благословляет не мимоходом, а всерьез и вдумчиво молится. Значит дело еще гаже чем предполагалось.

На подготовку ушло три дня. Сначала пришлось побегать, в переносном смысле конечно, разыскивая пару адептов. Слава системе, любящей контролировать обывателей и куче видеокамер, их засекли в Воронеже. Для исполнения задумки, а вовсе не для того чтобы разорить РЭЦ, как утверждал отец-казначей, она подобрала лучших спецов. Она вызвала даже Хрипатого, бывшего спецназовца, сейчас активно работающего с криминалом. Оставалось выждать подходящего момента.

В Воронеже парочка обосновалась в настоящем бомжатнике. Началось с того, что Вовчик исцелил одного попрошайку от сухой гангрены. Причем, если бы она не видела этого своими глазами, то решила, что это спецэффекты. На просьбу «дать копеечку калеке», молодой оболтус ухмыльнулся и сказал:

– Не надоело заживо гнить?

Разумеется бомж его послал далеко и непечатно. Тогда молодой волхв хлопнул его по руке. Гостья потом несколько раз проигрывала запись, но раз за разом картинка не менялась. Сухая, черно-коричневая, похожая на ветку конечность, за несколько секунд превратилась в нормальную здоровую руку. Не говоря уже о том, что с лица бомжа исчезли признаки сепсиса, цирроза и десятилетий пьянства. Семь секунд и вместо ходячего вонючего трупа, стоит хлопающий глазами здоровый мужик лет сорока. Грязный правда, но здоровый.

Нихрена себе кино, решила гостья, но чудеса продолжались. Причем такие, от которых и вовсе челюсть отвисала. Церковь, разумеется, тратила немалые усилия для очернения и дискредитации религиозных конкурентов. И вполне успешно. Но сарафанное радио, контролировать не мог никто. Как только по городу поползли слухи, что к ним зарулили два ведуна. В халупу, где жил бомж стали подтягиваться люди.

Вот, казалось бы и финансовый плюс пошел. Так нет, ведуны вели свою, непонятную математику. Бизнесмену средней руки они вылечили почки и наказали сделать ремонт в бараке где жили. Причем не нанять таджиков, а лично засучить рукава и брать мастерок в руки. Гостья так и не поняла зачем. Кто-то расплачивался едой. Пару раз деньги они заставляли раздать старушкам в очереди. А приехавшего депутата, Маришка при всех обозвала вором и послала подальше.

Реакция народа на волхвов тоже была странной. Кто-то восхищался и чуть не в ноги кланялся, но большинство, после общения с ведунами, выходили задумчивые.

Гостья решила было, что они больные на голову, но деньги, все же ведуны иногда брали. Без обычных кривляний, дескать, как же я к презренному злату прикоснусь. Спокойно записнул не считая в карман и пожелал всего доброго.

Количество посетителей росло в геометрической прогрессии. Ждать больше было нельзя. Гостья решила брать девчонку. Мужики обычно любят из-за девочек совершать глупости, а Вовчик в свою спутницу был влюблен по самые уши. Как только парень отлучился в магазин, операция началась. Хрипатый сначала ворчал на нее и называл перестраховщицей, мол, пятеро

спецов соплюху спеленают без проблем. Но Гостья помнила про исчезнувших вязальщиков и не хотела рисковать.

Маришка как раз развешивала стиранное белье во дворе барака. Три дротика с наркотиком должны были уложить баюшки даже слона. Ведунью, как показалось гостье, даже не замедлили. На самом деле, еще и как притормозили, иначе у нападающих вообще не было бы шансов. Но одуревшая от наркотиков Маришка не могла включить полный боевой режим. Хрипатый был благодарен гостье за перестраховку, потому что удары шокеров, тоже не свалили тощую девку. Она как котят отшвырнула двоих бугаев, которые весили в два раза больше каждый.

Потом на нее накинудись уже пятеро. Маришка успела заметить девушку что проходила мимо и заорала: «вы что делаете». Ее отшвырнул какой-то лысый детина. Удара по затылку Мариша не запомнила, она потеряла сознание.

Вадим формировал двойки в соответствии с эмоционально-духовной связью. Так что Вовчик почувствовал беду еще перед магазином. Быстро, куда там спринтерам, он помчался обратно. Гостья и тут перестраховалась, он не успел всего лишь на минуту. Ржавая ГАЗель с форсированным двигателем, уехала, оставив вспаханную ботинками лужайку, валяющееся белье и всхлипывающую девушку с разбитым носом.

В поле Акаши, Вовчик мог входить только после пусть и короткой, но медитации. Пока он успокоился настолько, чтобы это сделать, машина увезла Маришку далеко. Он знал, что подруга жива, но без сознания, а помехи города не давали определить где она. В ярости он выдрал забетонированную рельсу, что ограждала лужайку от паркующихся автомобилей.

– Ой! – послышался позади перепуганный голос.

Вовчик оглянулся и увидел, что какая-то девушка смотрит на него с расширенными от страха глазами. Он зло сплюнул и отбросил стокилограммовую железку. Подхватил с земли чистую, влажную футболку и подошел к девушке.

– Тебя как звать? – он протянул ей тряпку.

– Полина. – немного гнусаво ответила та и приложила футболку к носу.

– Ты видела, что здесь произошло? – девушка кивнула, Вовчик прикрыл на секунду глаза, чтобы не пугать ее светящейся яростью – Нам надо поговорить.

Глава шестая.

Вовчик выяснил, что известно Полине. К сожалению не много. Даже количество нападавших она назвала не верно. Судя по отпечаткам ботинок их было пятеро, но девушка видела только четверых. Видимо пятый выскочил когда ей уже прилетел локоть в нос и ей было не до подсчетов. Уже то, что скромный администратор мелкого магазинчика, не убежала, а стала кричать, говорило о ее храбрости. Жаль только храбрость не подкрепленная силой не многого стоит.

Парень завел Полину в дом и сунул ей шоколадку, чтобы она успокоилась. Сладкое на женские истерики действует куда лучше валерьянки. А судя по тому как девушку трясло, до истерики ей оставалось совсем немного. А ему надо было подумать. Владимир, скрестив ноги, сел на пол. Великим аналитиком он не был, но сложить два и два вполне мог. Так что самого похитителя или наводчика следовало искать среди недовольных деятельностью ведунов. На ловца, как говорится, и зверь бежит. Не прошло и получаса, когда во дворе раздался гнусавый голос:

– Слышь, колдун, мля! Разговор есть! Не ссы, перетереть надо!

Жестом приказав девушке сидеть в комнате, Вовчик легко вскочил на ноги и вышел во двор. Приперлось два татуированных бугая. Распухшие ладони покрывали тюремные татуировки, носы перебиты, на лицах туповато-агрессивное выражение. Типичные уголовники, разве что не в спортивных штанах, видимо шестерки у кого-то и на более менее приличную одежду хватает.

– Ты, баклан, – продолжил тот, что поздоровее – короче попал. Хорошего человека обидел. А за такое мы тебе харю в блин расплющим.

Размахивая руками они приближались. То, что Владимир стоял спокойно, они приняли за оцепенение от страха. Еще бы, ведь ведун не производил впечатление бойца. Молодой парень, лет семнадцати-восемнадцати, открытое лицо, похож на студента. А студентов в свое время эти два отморозка очень любили грабить. Тактика у гопников всегда одинаковая: главное запугать. Натиск, наглость и грубость. Конечно, они избьют его, но сначала надо попробовать вытрясти деньги.

– Слышь, – лексикон бандитов не отличался широтой и разнообразием – ты, короче, на бабки попал. Не будешь барагозить, целым будешь. – они ввали, шеф дал четкое указание, пацана избить до полусмерти, девушку изнасиловать и избить, но они хотели попробовать сначала бабок вытрясти.

Здоровый попробовал приобнять парня. Тоже старая уголовная уловка: дать иллюзию того, что ты друг, а заодно лишить пространства для маневра. Оба бугая занимались боксом и, разумеется, знали тактику уличного боя. Так что вдвоем вполне могли завалить даже «черного пояса». Дело в том, что на тренировках человека учат вести бой с одним противником. В реальности же, пока один отвлекает внимание, другой бьет сзади. Почему гопники и не любят идти на промысел в одиночку, получать по роже им не хочется.

Вовчик не стал мудрствовать и схватил бандита за ладонь левой рукой. Хрустнули кости, во все стороны брызнула кровь, как будто рука попала под трехтонный пресс. Стоящий позади не разобрался в ситуации и решил, что тонко заверещал не его напарник, а перепуганный парнишка. Он ткнул кулаком ему в почку. Вместо того чтобы скрутиться от боли, Владимир двинул ему локтем и сломал три ребра. Нападавший сразу потерял всякий интерес к происходящему, судорожно пытаясь вогнать в легкие хоть немного воздуха. Не отпуская изувеченные остатки ладони первого, ведун чуть шевельнул рукой и бандит рухнул на колени.

– Где Маришка? – холодно и тихо спросил ведун.

– Ааааа! – бандит визжал как поросенок, он любил калечить других и несколькими людям подобным же образом раздробил ладони дверями, именно поэтому Владимир избрал именно такой способ дознания.

– Где Маришка? – он повторил вопрос и сжал ладонь еще сильнее, если до этого у бандита был шанс восстановить ладонь при помощи хирургов, то сейчас она превратилась в фарш с костями.

– Не знаю! Не знаю! – вся крутизна слетела с накачанного недоумка и он отчаянно жаждал сдать всех, только бы это прекратилось – Нас Сивый прислал! Отпусти!

– Это депутат со СПИДом?

– Да! Отпусти! Пожалуйста!

Владимир разжал руку и скулящий бандит рухнул на вытоптанную траву. В городе были вполне приличные власти. Если и где-то что-то прикарманивали, то не нагнали и уж тем более не устраивали бандитских разборок. Но как и в любом стаде, в этом было несколько затесавшихся с девяностых бандитов. Большая часть таких с радостью завязали с прошлым, предпочитая действовать законными методами. Конкретно этот решил, что ему законы не писаны. Ведун повернулся к второму бандиту. Тот кое-как отдышался, но обладая завидным инстинктом самосохранения, на четвереньках двигался к черной «ауди», на которой они приехали. Ему вовсе не улыбалось повторять судьбу напарника. Вовчик двинул ему в филейную часть и бандит распластался на земле.

– Твой приятель отправится в больницу, – сказал ведун – а мы прокатимся к твоему начальству.

Сзади послышался щелчок снимаемого предохранителя. Первый бандит вытащил ствол и пытался навести его на ведуна. Вовчик хлопнул в ладоши и все кто это слышал, даже с ужасом наблюдавшая за происходящим из окна Полина, замерли.

– Штаны снять! – приказал ведун.

В его голосе была власть. Не какие-то жалкие потуги, которые приписывают имиджмейкеры, а настоящая, жесткая как перекладина виселицы. Оба бандита начали стягивать штаны. Искалеченный бросил пистолет и ковырялся с ремнем одной рукой. Полина не сразу обратила внимание что сама расстегивает молнию на своих джинсах. К счастью, приказ не относился к ней лично и она смогла остановиться.

– Засунь пистолет себе в зад! – тем же тоном приказал Владимир.

В его приказе не было показухи или излишней жестокости. Бандит за всю жизнь привык к тому, что он сильный, а остальные слабее, а значит ниже его по рангу. Слух о его унижении, лишит его основного источника силы – чужого страха. Он почти стопроцентно сопьется и закончит дни в мусорном баке, но десятки людей никогда не пересекутся с злобным бандитом. Да и остальные уголовники города, на долгое время затихнут. От кровопотери и болевого шока, бандит наконец потерял сознание. В это время во двор зашел тот самый исцеленный бомж, хозяин квартиры. Оторопелый он смотрел на разгром на лужайке и двух полуголых бандитов, одного еще и с торчащим из филяе пистолетом. Он многого ожидал от постояльцев, но это было уже на грани сюрреализма.

– Это что за натюрморт? – спросил он.

– Коля, извини, некогда разговаривать. – тепло и по дружески ответил Вовчик – Ты этому уроду скорую вызови, а я с его приятелем покатаюсь. Хорошо?

– Ладно... – Коля потянул из кармана потрепанную кнопочную «нокию».

– Поехали, с боссом твоим поговорим, вы ведь этого хотели, скоты?

Бандит молча залез в машину. Штаны подбирать он так и не решился. Ехали не долго. Пару раз ему приходила в голову идея, разогнать машину и врезаться в столб, тем более что ведун не пристегнулся. Но он побоялся. Если колдун выживет, то его ждет что-то куда страшнее, чем кореша. Он поежился и мельком глянул на ведуна, тот прочитав его нехитрые мыслишки, злобно ухмыльнулся.

Путешествуя по России, Вовчик заметил одну особенность. Чем беднее человек, тем ниже у него забор, богачи же наоборот, отгораживаются от мира. Шестиметровый забор Сивого, явно намекал на деньги и желание отгородиться от окружающих.

Едва ауди остановилась возле железных ворот, а трое охранников, таких же уголовных бугаев, открыли калитку посмотреть, кого принесло на этот раз, он запустил полный боевой режим. Для бандитов он показался размытым пятном, после встречи с которым, они теряли сознание. Через полторы минуты, Сивый еще пил кофе на веранде, даже не подозревая, что охрана лежит в бессознательном состоянии. Хмурый, взъерошенный и забрызганный пацан, возник как будто из ниоткуда.

– Где Маришка? – спросил он.

– Ты кто такой? – опешил от такой наглости депутат и тут же подавился криком, пацан, невесть как преодолевший метров пять за мгновение, сломал ему указательный палец на руке.

– Где она?!

Сивый давно жил. Бурная молодость, тюрьма, развеселые девяностые, когда врожденная хитрость и жестокость не отправили его в могилу, а вынесли наверх. Умение прогибаться под тех кто сверху и давить тех кто снизу. Лебезить и чванливо презирать. Отстегивать откаты и брать взятки. Он все это умел. Он был, как сейчас это вежливо называют «коммуникабельным», проще говоря беспринципной сволочью.

К чему его жизнь не приготовила, так это к человеку, плюющему и на написанные законы и устоявшиеся табу. Владимиру было плевать, что надо «назначать стрелку» и «тереть тему».

Он ломал ублюдка, похитившего его возлюбленную, жестоко и сильно. Вадим многому учил своих учеников, но никогда не требовал подставлять другую щеку. На доброту отвечай добротой, говорил он, а кто напал на вас, пусть получит ответ, да такой, чтобы и другим повадно не было.

Уже на нарах, рассказывая следователю из МГБ, о своих преступлениях и том дне, когда его карьера полетела псу под хвост, Сивый признался. Так он не боялся даже на малолетке, где его на ножи собирались поднять за «крысячничество». И он рассказал этому бешенному пацану все. Даже зная, что единственное место, где его не достанут покровители, просто не захотят мारаться, это каторга. Следователь посмотрит на криво сросшиеся, мозолистые от кайла, руки бывшего депутата и усмехнется, мысленно одобряя незаконные действия Владимира.

Глава седьмая.

Первое мгновение, сразу после того как сознание вернулось в тело, ей показалось что обойдется. Но стоило приоткрыть глаза, как свет, горстью толченого стекла ворвался в зеркала души. Тело скрутила первая судорога. Отходняк. Мерзкое, сволочное состояние. Следом приходит жесткий, как будто прожевал горсть металлической стружки, вкус во рту.

Три года. Ровно столько прошло с последней дозы. Тысяча дней свободы и покоя. Но это в прошлом. Сейчас в ней какая-то гадость. Не гнусно-желтая цыганская ширка, нет, настоящая чистейшая медицинская фармакология. Самое страшно, что Маришке это нравилось. Ее перло и мозг требовал еще. Чуть-чуть жидкого огня по венам. Счастья тщательно отмерянного в миллиграммах.

Видимо кто-то прохлопал ушами время укола и ведунья, хотя какая она сейчас на хрен ведунья, наркоманка словила отходняк. Сейчас укол, которого она даже не почувствовала приносил блаженство. Прикрыть глаза от режущего света и поплыть в наркоманские дали, все чего сейчас хотела девушка.

Ломка отошла в сторонку и гнусно ухмылялась у стенок. Уж эта сучка точно знала, что вернется. У нее будет ее время выкручивать суставы, выдавливать липкий вонючий пот и хохотать безумной злобной старухой. В этом был главный облом всех наркоманов. Да, ты можешь сделать вид, что ломка не придет, но в глубине души ты знаешь, она будет. Вот почему раз за разом хочется двинуть больше по венам, чтобы отсрочить пытку, расплату за кайф.

Мариша заплакала от бессилия. Потом уже проваливаясь в небытие, она услышала голос, такой знакомый, такой родной:

– Вспоминай, а не реви.

Наркотик дурманит мозг и этому нельзя сопротивляться. Но одурачить душу он может только если человек сам это позволит. Случайно слопавший таблетку человек, не будет жаждавать прихода, он будет бороться с агрессивной химией. И у Мариши было средство. Как и тогда, три года назад, он пришел. Друг, учитель, брат, отец... Вадим был всем, но сначала он ей не понравился. Сейчас она была не беззащитна. Ее дух боролся и отвоевывал тело обратно. Надо лишь сосредоточиться, отбросить жалость к себе и такую ласковую волну прихода.

Медсестра поправила катетер, проверила пульс. Чуть учащенный, но мало ли что пациентке снится? Это не ее дело. Она вколола лекарство и пациентка с минуты на минуту уснет. Медсестра спешила сдать дежурство и мысленно была уже на свидании, потому быстро покинула палату. Она не видела, как обратно в капельницу с физраствором потекла розоватая от крови жидкость, то что кололи пациентке последние две недели, выходило обратно. Маришка вспоминала и, хоть это и было болезненно, исцелялась.

Как выглядит наркоманский притон? У большинства перед глазами проносятся картины редкостного бомжатника где-нибудь на окраинах города. Ободранные пожелтевшие обои,

дыры в линолеуме, из мебели только грязный матрас, да и то, потому что его не продать за дозу. Но наркотики, удовольствие недешевое, так что этот притон располагался в центре. На полу был постелен паркет. На подоконниках в объемистых горшках пальмы, а шторы из дорогой и модной коллекции. Впрочем, запах стоял отвратный. Маришка пришла в себя лежа на диване, причем ноги свисали с подлокотника. Жутко болело между ног. Она провела рукой, на пальцах осталась какая-то бурая, отвратительно пахнущая жижа. Видимо вчера ее пустили по кругу в очередной раз.

Она не помнила. Последним воспоминанием было, как Толик шарашит ей герыч в вену. Пошатываясь от накатывающей дурноты, она встала и принялась искать трусы и юбку. Ворох одежды подмял под голову Салим и храпел пуская слюну на ковер. Ленка лежала головой между его толстых волосатых ляжек, видимо подруга вырубилась во время миньета.

Маришка стащила с себя блузку и, перешагивая через остальных, побрела в душ. Совмещенный санузел почти не пострадал от последствий вечеринки, только унитаз кто-то облевал. Девушка аккуратно обошла забрызганное место и юркнула в душевую кабинку. От воды стало легче. Сколько раз она давала себя зарок, никогда не ширяться тем, что подсовывают Салим и Наджир. В голове ворочалась неудобная мысль, что это не качество героина приводит ее в скотское состояние, а сам факт употребления. Подумаешь, отмахнулась Маришка, ну двинула раз-другой, я же не ханжа какая-то. А что мальчишки любвеобильные, так с чего бы им девочек приглашать, если они будут монашками. Это только дуры трясутся над своими пыльными никому не нужными дырками.

Были и плюсы, Маришка расчесывалась перед зеркалом, она похудела. Правда круги под глазами и кожа синеватого оттенка, так с этим справится ее величество косметичка. Никаких диет и спортзалов, Маришка худела на амфетамине. Герыч так, за компанию можно. Так что надо быть оптимисткой, решила девушка, выдергивая из-под Салима юбку. Трусики она так и не нашла.

Дверь выломали как раз в тот момент, когда она пыталась попасть ногой в одежду. Маскишоу по полной программе. Толпа здоровенных мужиков в бронежилетах, с касками и черными масками.

– Всем лежать, суки! – заорали они, непонятно кому, потому что все, кроме Маришки и так лежали. А какую угрозу могла нести ОМОНу тощая шестнадцатилетняя девчушка, с голой задницей, неясно.

Впрочем, Маришка послушно плюхнулась на ковер, получить прикладом по зубам, ей вовсе не улыбалось. Задержание провели без потерь. Через минуту все лежали в правильных позах, скованные наручниками, любимый натюрморт спецназа.

Бойцы оказались вежливые и позволили клиентам одеться перед отправкой в автозак. Маришка поначалу струхнувшая, успокоилась. Эка невидаль, менты приняли. Помурывают и отпустят. Ведь на ней ничего не было. Внешне она разыгрывала провинившуюся школьницу, только дуры начинают пальцы гнуть в кабинете следователя.

Но все завертелось куда серьезнее. В квартире Салима и Наджира нашли двести граммов чистого герыча. Это уже тянуло на крупную партию. Братья дружно ткнули пальцем на Маришку, мол, это она порошок приволокла, а они аки агнцы чистые и непорочные. Ленка, сучка, подтвердила.

Разумеется, из шестнадцатилетней Маришки наркоторговец как из енота тигр, но всем было плевать. Полиции хотелось быстрее закрыть дело, к тому же братья подмазали где надо.

– Ну что, Мария. – грустно сказал ей следователь – Похоже, будешь школу заканчивать в тюрьме. Приплыли. Пиши признание, пока не поздно, тогда отделаешься детским сроком. Иначе вломят по полной программе.

– Но я же не виноватая. – пролепетала Маришка, вот теперь она испугалась по-настоящему, впереди замаячила малолетка.

– Не верю я тебе, – развел руками следователь – вот хочу верить, а не верю. Вот если ты все чистосердечно признаешь, я посмотрю что можно сделать...

Маришка с тоской осмотрела кабинет. Тусклые, бежевые стены, сейф и решетки на окнах, причем решеток впереди предстояло много. Позади негромко хлопнула открывающаяся дверь. Следователь изменился в лице. С него слетела маска фальшивого участия, сменившись странной смесью страха, благоговения и радости. Девушка обернулась. В дверях стоял стройный высокий парень лет двадцати пяти. Длинные волосы были связаны в небрежный хвост, потертая кожаная куртка была распахнута, а большие пальцы он заложил за широкий ремень. Выглядел посетитель беззаботно и даже весело. Маришку это бесило. Ее жизнь сливают в унитаз, а этот красавчик скалится как в цирке. Впрочем, она молчала. Присутствие постороннего давало ей еще минуту подумать.

– Привет, Олег Сергеевич. – поздоровался патлатый.

– Привет, Вадим. – как-то растерянно ответил следователь – Ты как сюда вошел? А, впрочем, дурацкий вопрос. Для тебя ведь нет закрытых дверей.

– Ты не рад меня видеть? – усмехнулся Вадим.

– Нет, что ты! – замахал руками следователь – Конечно рад! Обожди пять минут, я закончу и поболтаем.

– Ладно. – Вадим пожал плечами и сел на соседний стул с Маришкой. Следователь вместо того, чтобы психануть, как и положено должностному лицу при исполнении, замямлил.

– Эээ... Вадим, – мягко, стараясь не разозлить гостя, сказал следователь – у меня дело, с этой подозреваемой. Если ты выйдешь в коридор, то я быстро освобожусь и мы пообщаемся.

Вадим провел рукой над лежащим на столе делом. Ведун уже знал зачем пришел, а информация дела лишь удостоверяла то, что он принял из поля Акаши.

– Олег Сергеевич, – так же доброжелательно ответил Вадим, не предпринимая даже попытки встать – ты же понимаешь, что я пришел не просто так?

Следователь опешил. Да, ведун вылечил его сына, но какого дьявола он начинает об этом трепать перед этой ссыкухой? Если только...

– Да, – угадал его мысли Вадим и невежливо ткнул пальцем в Маришку – она мне нужна. А ты мне должен.

– Она подозреваемая в деле о крупной партии наркоты. – вспыхнул следователь, потом опомнился, что говорит не просто с приятелем и добавил спокойнее – Как я ее тебе отдам, если на ней уголовщина висит?

– О, – усмехнулся ведун – не беспокойся. Прямо сейчас братья Алимбековы изъявят жгучее желание сознаться в этом деле, только записывай. А девочка мне нужна.

Маришу трясло. Какой-то мутный чувак пытался и успешно, выкупить ее у полиции. Обсуждали ее как поросенка на базаре.

– Я никуда с ним не пойду! – заявила девушка и схватила листки с готовыми признаниями, лучше тюрьма, чем этот жуткий тип.

– Ты чего, дура? – следователь покрутил пальцем у виска – Он же тебя вытаскивает.

– Да, он меня на органы порежет! – все неоформленные страхи, ломка и психическое давление вырвались из нее в этом выкрике.

Вадим засмеялся. Широко, от души, как смеются люди без тяжести на душе. Маришка ожидала любой реакции, кроме такой.

– Вальцова Мария, – шутливо-официальным тоном заявил он успокоившись – ты колешься всякой дрянью уже больше года. От твоих органов сдохнуть можно, и это не считая гепатита и ВИЧ-инфекции.

Следователь уже просчитывал, как он будет это все оформлять. В том, что ведун получит желаемое вне зависимости от его согласия, Олег не сомневался. Впрочем, колдун не бросил его на съедение. Раз обещал, что Алимбековы сознаются, значит дело можно будет закрыть.

Пройдет Мария второстепенным свидетелем, которого «забудут» вызвать в суд, и все. Олег Сергеевич быстро записывал новый вариант показаний юной наркоманки. Он понятия не имел зачем эта девка ведуну, но раз нужна, пусть забирает.

– Подпиши здесь и здесь. – следователь подсунул протокол Маришке.

– Вы с ума сошли? – окрысилась девушка – Никуда я с ним не пойду.

– Или ты пойдешь со мной и будешь верно служить мне год и один день, или я выйду и ты попадешь в тюрьму. – спокойно улыбаясь пояснил Вадим.

Мариша стояла перед самым сложным выбором в своей жизни. И ведун вовсе не собирався ей облегчать задачу. Он сидел и нагло улыбался. Что ее ждало? Бордель, медицинские опыты, садистские шоу? В чем подвох? За всю свою короткую, но насыщенную жизнь, Маришка уяснила, что даром и на халяву ничего не бывает. Но и в тюрьгу не хотелось. Угрозы от Вадима она не ощущала, хотя это ни о чем не говорило.

– Ладно, я согласна. – деревянными губами произнесла она, надеясь, что этим не подписывает себе смертный приговор.

– Слышишь, Олег Сергеевич, – опять засмеялся Вадим – она мне одолжение делает.

– Дура ты, Мария. – согласился с ведуном следователь – Ты даже не представляешь, какой это человек, а ты тут пальцы крутишь.

– Нет, так не пойдет. – уже серьезно добавил ведун – Повторяй за мной точно: я по доброй воле, иду служить тебе верно, на год и один день.

– Я по доброй воле – в этом тезисе Маришка сомневалась, не по такой уж и доброй воле – иду служить тебе верно, на год и один день.

– Вот и умница, пошли.

Вадим пружинисто поднялся на ноги и пошел к выходу. Не веря в то, что выходит из холодных стен, Маришка семенила следом. Пospеть за ведуном задача непростая даже в удобной обуви, а в туфлях на высоком каблуке и узкой юбке, вовсе нереальная. На перекрестке Вадим остановился, поджидая запыхавшуюся девушку.

– Да уж, – криво усмехнулся он – приобретение. Ты делать-то чего умеешь, красна девица?

В памяти Маришки вспыхивали картинки того, что она умела делать и за что ей отсыпали денег и наркотиков. Ведун посмотрел на нее так, что девушка поняла, он видел ее мысли.

– Я имел ввиду полезного чего делать умеешь? – так же ехидно спросил он – Шить, стирать, готовить?

– Ну, стирать... – неуверенно ответила девушка, надеясь, что в доме этого мужика есть стиральная машина-автомат.

– Ладно, пошли. – сказал Вадим и зашагал уже медленнее.

Маришка шла следом и ей отчаянно хотелось вмазаться.

Глава восьмая.

Вадим быстро и при этом расслабленно шел. Уже сорок минут. Маришка взмокла, натерла туфлями ноги и едва не падала от усталости. Каждый раз, когда они подходили к остановке, она с надеждой ждала, что мужик остановится. Но тот проходил мимо. Наконец она не выдержала и плюхнулась на лавочку, упрямо скрестив руки и надув губы. Ведун тоже остановился и вопросительно посмотрел на нее.

– Куда мы премся? – с вызовом спросила она.

– На рынок, надо еды домой принести. – спокойно объяснил Вадим – Ребята уже поди заждались, так что надо прибавить ходу.

– Ты что про автобусы не слышал? – презрительно фыркнула Маришка – Если уж такой нищевод, что машину не можешь купить.

– Зачем нам автобус? – недоумевая спросил в ответ Вадим – Погода чудесная, солнышко светит, птички, травка. Для города просто великолепно. Пешочком полезно ходить. Привыкай.

– Я устала! – заявила Маришка тем дрожащим голосом, что в сочетании с влажными глазами, заставлял мужиков плясать вокруг нее – У меня ноги болят.

Вадим молчал, только в глазах начали поблескивать золотистые искры. Все кто знал ведуна, тот час бы включили задний ход. Но Маришка видела его впервые в жизни и даже не подозревала, что находится на пороге больших неприятностей.

Девушка истолковала его молчание по своему. Она в людном месте, что он ей сделает? К тому же очень хотелось добраться до дома и распотрошить заначку.

– И вообще, спасибо, что вытащил, дальше я сама.

– Ну попробуй. – Вадим не угрожал, как всегда чуть насмешливо смотрел и улыбался.

Маришка попробовала. Встала, вся полная решимости уйти от мутного мужика, пусть он ей и помог. Как раз подошел автобус. Она сделала шаг к нему и в следующую секунду топала как на поводке за Вадимом. Причем теперь ведун вовсе не сбавлял темп, жалея ее. Она хрипло дышала, ведь ей пришлось практически бежать за ним. Вадим тем же спокойным голосом рассказывал ей:

– Я тебе, дура, честно все объяснил и предложил сделку. Ты служишь мне год и день, а я вытаскиваю тебя из каталажки. Свою часть сделки я выполнил. Так что выбора у тебя нет.

– Пожалуйста, – взмолилась девушка – помедленнее. Я уже не могу.

– Можешь. – жестко отрезал Вадим – И не думай, что это я над тобой издеваюсь. Уж что-нибудь поинтереснее прогулки придумать можно. В твоей крови полно всякой гадости и дряни, лучший способ выведения это пот. Так что, потей на здоровье.

На Центральный рынок она добрела лишь из-за заклятия ведуна. Она уже не соображала ничего от усталости и боли. Вадим усадил ее на ступеньках у крытого рынка, среди просящих милостыню нищих. Через пару минут вернулся с двумя полулитровыми стаканами бочкового кваса.

– Пей, – строго приказал он – это снимет ломку. Жди здесь, я скоро вернусь.

Маришка горько усмехнулась последнему приказу. Она скинула исцарапанные модельные туфли и смотрела на стертые до крови ступни. Ага, далеко она сбежит с такими ногами. Но от кваса ей действительно полегчало. Рядом сидела бойкая бабуся, в цветастом платочке и застиранном платье. Она пододвинулась ближе к девушке и спросила:

– Ты с Вадимом что ли?

– Служанка, блин! – раздраженно ответила Маришка, от бабушки пахло потом и лекарствами.

– Ох свезло, тебе красна девица, ох свезло! – завистливо запричитала бабка.

– Да он псих ненормальный! – воскликнула девушка.

Бабушка поджала губы, обиделась. Но потом все же решила поучить молодежь уму разуму.

– Дура, он колдун силы немеряной. Будешь верно ему служить, одарит так, что счастье как собачонка за тобой бегать будет. А ты «псих ненормальный». – дальше бабушка начала бормотать про «наше время» и «нынешнюю молодежь».

Девушку бесило, что ее весь день называют душой. Тем более когда она эту самую «дуручку» не включала. Постепенно она переключилась на любимую всем человечеством тему, начала жалеть себя. Прикинула кто ее будет искать, если этот колдун ее пришибет. Получалось что никто. Братья Алимбековы постараются ее забыть, как можно скорее. Мамаша не просыпает, лучшая подруга Ленка только что сдала ее с потрохами. Хозяйка съемной комнаты просто прикарманивает ее гардеробчик и сдаст свои убогие шестнадцать метров другой искательнице девичьего счастья. От жалости к себе Маришка заплакала.

– Ну и по какому поводу сырость разводишь? – девушка так увлеклась, что не заметила, как подошел Вадим с двумя пузатыми пакетами, полными продуктов.

– Меня будут искать! – испуганно заявила она.

– В каком это смысле? – рассеянно переспросил ведун, рассматривая ее ступни.

– Если ты меня убьешь, тебя посадят! – угроза не возымела никакой реакции, равно как и продолжение – И если изнасилуешь тоже посадят.

– Чтобы тебя насильничать, – резонно заметил Вадим – надо тебя откормить. А то об твои кости ободаться можно.

Довольно бесцеремонно, Вадим запрокинул ей голову и стал осматривать глаза и гортань. То, что это вход в рынок и вокруг куча народа, его совсем не беспокоило. Потом он опустился на корточки и коснулся ног. Маришка побоялась отдергивать ступни, но больно не было даже когда он взял их в ладони. Наоборот, она почувствовала легкость и силу. Когда колдун отнял руки, то на ступнях не осталось и следа от мозолей. Из пакета он достал пару китайских мокасин и обул девушку.

– Пойдем.

– Далеко? – с ужасом спросила Мариша.

– Два дня на оленях, а там и рукой подать. – вздохнул ведун и подхватив пакеты пошел к стоянке, где частники ловили попутчиков.

Бомбилы ведуна знали. Не все лично, но сарафанное радио работало исправно. Никто не лез с просьбами, мужики были гордые и тертые, но уважение Вадим заслужил. Четверо водителей стояли возле потрепанной «Волги», где сидел пятый.

– Мужики, подбросьте до Переезда? – попросил колдун – Сами видите, я с ученицей, недобредет опасаясь.

– Не вопрос, дорогой, в миг домчим! – водилы кратко посоветовались и решили, что сегодня поедет Кирилл. У него мать слегла с инфарктом. Ведун деньгами редко платил, а вот подлечить матушку вполне мог.

Ехали недолго, минут пятнадцать, но Маришка с ужасом представила, что это расстояние пришлось бы идти. Вадим, казалось, вовсе забыл о ее существовании, беседуя с водителем о здоровье его родительницы. Когда машина остановилась, он отломил краюху хлеба, что-то прошептал над ней, подул и протянул Кириллу.

– Пусть кусочек скушает, ей сразу полегчает. – напутствовал он водителя, что бережно заворачивал кусок хлеба в платок – И остальным в палате пусть отломит по чуть-чуть. Спасибо, что подвез.

– Тебе спасибо. – Кирилл видел, как ведун вылечил плохо сросшийся перелом таза у Михалыча, да так, что у бомбилы вылетели из тела штифты. Так что в силах ведуна он не сомневался.

Маришка вылезла из машины и смотрела на старый, но еще крепкий бревенчатый дом, где ей предстояло провести год жизни. Странно, но страх полностью исчез из ее души. Только волнение перед новым и необычным.

– Пойдем. – сказал Вадим и подхватил груз. Во дворе двое мальчишек, лет по семнадцать-восемнадцать, пилили на козлах дрова.

Мариша поняла, что мечты об машинке-автомате, останутся мечтами. Тут один из ребят поднял голову и случайно встретился взглядом с девушкой. Холодный огонь схлестнулся с ледяным пламенем, а весь мир остановился для двух человек. Так Мариша впервые встретила Вовчика.

Глава девятая.

Раз, два, три... Мариша считала удары сердца. Не шевеля губами, не двигая глазами. Только мысли. Даже эмоции могут выдать что-то на экраны датчиков. Четыре, пять, шесть...

Наркотик выведен из организма. Нужные вещества для нейтрализации новых доз тело синтезировало и хранит в протеиновых микрокапсулах, в жировых тканях. Семь, восемь, девять... Трудно притворяться спящей. Самое сложное лежать в некрасивой позе. Ведь мы, когда притворяемся, хотим походить на скульптуру, улучшенную версию себя. А спят люди некрасиво. Только любящее сердце наполняет эти неэстетичные позы загадочностью. Десять, одиннадцать, двенадцать... До любящего сердца очень далеко. Давление хочет подскочить от воспоминаний, но нельзя. И собственному сердцу биться чаще нельзя. Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

В помещении никого, но это ничего не значит. Данные могут передаваться дистанционно. Теперь самое сложное, определять то, чем ее пичкают. Умение определять вещество изнутри организма, возможно только для женщин. Это было связано с токсикозом. А еще Маришка переколола себе почти все, что можно и нельзя шарашить по венам.

Сейчас в нее вогнали лошадиную дозу морфина. Ощущение от него, как будто кувалду обернули пуховой подушкой и врезали по голове. Отходняки от него будут сильными, но без героиновой зависимости, недолгими.

Помещение находилось на уровне земли или чуть выше. Первый-второй этаж. Ориентация в пространстве уже вернулась и, в принципе, Маришка могла обойтись без зрения. Уединенное место, кругом леса. До ближайшего населенного пункта километр. Одно большое здание в три этажа и пять вспомогательных. Похоже на санаторий, вот только ветер вибрировал на решетках. Так что санаторий был закрытого типа, во всех смыслах.

Девушка могла определить и людей, но для этого надо сливаться с ними душой, это эмоции, а они сейчас лишние. Она полагалась на слух. В противоположном крыле здания слышалась возня и смех. Рядом тоже кто-то ходил, но молча или перебрасываясь тихими, не разобрать через дверь, фразами.

Под ней было чистое белье и мягкая кровать. Руки свободны, а от стен не пахло жестокостью и куражом, так что это точно не тюрьма. Все же в воздухе было много боли и страха. В коридоре, за дверью слышались шаркающие шаги. Потом в замке начали ковырять ключом. Зашла, судя по запаху, женщина. От нее пахло накрахмаленной одеждой, ладаном, воском и дешевыми мятными леденцами.

Поскрипывали колеса, видимо тележки. Маришка прикинула время. Уже можно очнуться. Только не забывать показывать крайнюю слабость, дезориентацию и жажду. Ну и чуть-чуть растерянности не повредит. Она открыла глаза. Полная женщина в белом халате и платке, перебирала на больничной тележке для лекарств, тряпки и губки. Санитарка собралась обмыть девушку. Заботливо проверила воду в тазике на температуру и, отжав тряпку, повернулась к Маришке лицом:

– Ой, деточка! – всплеснула она руками – Ты уже проснулась? Бедная, как же тебя уго-раздило?

– Воды... – слабым голосом прохрипела Маришка, она не притворялась, в горле действительно пересохло.

– Сейчас голубка, сейчас! – санитарка подхватила с тумбочки детскую пластиковую чашку-непроливайку, потом замерла и настороженно спросила – А ты хулиганить не будешь?

Маришка демонстрировала полнейшее миролюбие и пацифизм. Санитарка дала ей напиток. Девушка постаралась выпить как можно больше, неизвестно когда удастся напиться вновь. В мозге тревожно звякнуло. Вкусовые рецепторы определили растворенный в воде транквилизатор. Ничего особенно жесткого, но после морфина должно ее уложить опять баиньки. Понятно, едва заметно улыбнулась Маришка, пока иерархи чешут в тонзурах решая, что с ней делать, ведунью лучше держать в сонном состоянии. У нее было только пару минут, потом придется симитировать сон, иначе они найдут чем ее отключить и возможно навсегда.

– Где я? – сонно спросила она санитарку.

– Ой, голубка, – санитарка попалась сердобольная и говорливая – в Просковьевской обители для скорбных духом. Но ты не бойся, тут тебе помогут, у нас отец-настоятель бывший прохфесор, шибко грамотный специалист. Ты отдыхай, вручив душу господу, а я за тебя помолюсь.

Санитарка и впрямь принялась в полголоса молиться. Искренний верующий человек, она помыслить не могла, что девушку привезли сюда насильно. За каждого из пациентов она переживала и молилась. Радовалась выздоровлению и огорчалась когда больному становилось хуже.

Маришка имитировала сон, считая удары сердца и раздумывала о том, куда попала. Безумная Просковья, так называли эту психиатрическую больницу. Святые отцы, как оказалось, летят с катушек не реже, чем миряне. Но, чтобы не создавать плохого впечатления, сошедших с ума отправляли в специализированный санаторий в Орловской области. Церковь платила лучшим психиатрам и зачастую добивалась успеха, возвращая скорбных духом собратьев к нормальной жизни. Но поскольку РЭЦ не нужна была реклама в виде безумных слюнявых сановников бродящих по округе, охрана тут была не хуже, чем в тюрьме.

Ее обман раскроют как только в палату зайдет один из докторов. Этих зубров обмануть нереально. Так что нужно копить силы для рывка. Мысленно извинившись перед доброй санитаркой, Маришка отпила ее энергии. Вадим не любил когда ученики пользовались такими методами, но у него было прямое подключение к энергии планеты, а ситуация была форс-мажорная. Впрочем, калечить здоровье или укорачивать жизнь сердобольной старушке, девушка не стала. Максимум что ей грозило это головная боль и легкая диарея.

Хорошо, что психушка располагалась в лесу. Если ей удастся перемахнуть забор, поймать ведунью в лесу не сможет никто. Санитарка принялась обмывать, спящую, как она думала, девушку губкой. Что-то, а забота о пациенте, в Безумной Просковье была на высшем уровне. Маришка терпела, шевелясь не больше, чем шевелился бы человек в глубоком наркотическом сне. Особенно неприятными были старческие руки в промежности. Хоть санитарка и была опытным работником, а вот то самое, надлежало трогать лишь самой Маришке и Вовчику.

Санитарка ловко ее ворочала, еще бы, девушка весила пятьдесят два килограмма, не то что толстые монахи и попы. Внезапно Маришка почувствовала, как старушка прилепила ей что-то ниже лопаток. Похоже на пластырь и в самом труднодоступном месте. Ведунья сканировала инородный объект, бабуся оказалась не так проста. От пластыря шло повышенное электромагнитное излучение, проще говоря, это был жучок.

Видимо побег все же случались и охрана, чтобы не бегать по лесам за пациентами, украшала всех отцов такими пластырями. Проще, разумеется, ввести подкожный имплантат, но отцы церкви не настолько доверяли технике, чтобы что-то зашивать в собратях.

Санитарка закончила свои дела и направилась к выходу. Перед тем как закрыть двери, она посмотрела на ведунью цепким, отнюдь не старческим взглядом. Голикова Татьяна Иосифовна сорок пять лет проработала в психиатрии. Главврач точно знала, что девочка не спит. Хотя это просто невозможно. Надо будет сделать повторный анализ крови, решила профессор Голикова. Существует шанс, на природную невосприимчивость к опиатам или барбитуратам, но чтобы сразу на несколько, такого она не встречала никогда.

Если бы Никодим не торопил ее, вздохнула она и закрыла дверь. Из-за этой девочки можно учебники по биохимии человека переписывать. А ему все политика. Татьяна Иосифовна докатила тележку до сестринской и пошла в лабораторию изучать результаты. Профессор тяжело вздыхала, кардинал – мясник. Он вырвет у девчушки что ему нужно и убьет ее. Надо хоть уговорить его высокопреосвященство отдать потом тело для исследований.

Но пока, улыбнулась психиатр, пока я ей подыграю. Пусть Никодим подождет. Голикова зашла в лабораторию. Лаборантки вежливо, но сдержанно поздоровались, тут же вернувшись

к работе. Татьяна Иосифовна исполнительность ценила, а за лизоблюдство могла и с работы турнуть.

– Машенька, – она грузно села на место заведующей лаборатории, та как раз загружала центрифугу с образцами – готовы анализы новенькой?

Завлаб, тощая, с широкими костлявыми бедрами и вытянутым лицом старой девы, замялась. Но удивленно приподнятая бровь главврача привела ее в должный трепет.

– Татьяна Иосифовна, – нервно теребя лацкан халата тонкими узловатыми пальцами, сказала она – мы проверили все три раза. Наверное аппаратура неисправна.

– Анализы, Машенька. – потребовала профессор. Завлаб покорно отдала ей пачку распечатанных на принтере бумаг.

Голикова углубилась в просмотр непонятных простому смертному диаграмм, цифр и слов. Впрочем, ей тоже было непонятно. Она еще раз просмотрела листки. В это время одна из лаборанток направилась к выходу.

– Стоять. – тихо, но властно потребовала главврач. Девушка испуганно замерла. Профессор барабанила пальцами по столу, потом решилась – Кто выходил из лаборатории за последние два часа? – сотрудницы помотали головой – Кто-то заходил? – опять отрицание, профессор пожевала старческими губами и продолжила – Телефоны на стол!

Все сложили телефоны, опасаясь даже спрашивать что-либо. Они и так понимали, что аппаратура исправна, это пациентка такая. Голикова проверила истории в каждом телефоне. Ни выхода в интернет, ни сообщений, ни звонков. Это хорошо, решила профессор. Стараясь говорить убедительно, а это она умела, старуха объяснила ситуацию сотрудницам:

– Значит так, девочки. Если вы кому-то разболтаете о том, что сегодня исследовали, я вас в порошок сотру. А потом, до вас доберется инквизиция. Не бутафорские болтуны с телевидения, а настоящая внутренняя безопасность РЭЦ. Вам это понятно?

Судя по побледневшим лицам, понятно было всем. Голикова собрала все данные об исследовании в контейнер, удалила из компьютера файл, потом порылась в свежих анализах и достала пробирку с кровью другой пациентки, истеричной любовницы одного из святых отцов, которую тут лечили от депрессии и длинного языка.

– Вот анализ неизвестной из седьмой палаты, уяснили?

– Да. – за всех ответила завлаб, потом не удержалась и спросила – А она кто вообще такая?

– Человек... наверное... – тихо проговорила профессор Голикова – В любом случае, держите рты на замке, она у нас не задержится.

Глава десятая.

Вовчик вел машину неуверенно, поэтому с радостью пересадил за руль Полину. Ведуны предпочитали перемещаться пешком, но сейчас им нужно было спешить. Салон провонял одеколоном бандитов и табачным дымом. Юноша открыл окна, но все равно запах раздражал. Полина радовалась, что ведун умылся и был сейчас похож на обычного молодого пацана. Когда он вернулся от Сивого, то был окровавлен и от него веяло ужасом, болью и смертью. Она спросила:

– А куда мы едем?

– Пока вперед. – коротко ответил Вовчик.

– Я тебе не враг. – обиделась Полина – Ведь я сама согласилась подвезти тебя, помнишь?

– Никто тебя не держит, можешь возвращаться. – довольно грубо ответил парень – Сам доберусь.

– Ага, как же. – улыбнулась Полина – Я уже видела, как ты два километра на первой передаче пер, чуть движок не спалил.

– И ты из благородного альтруизма, решила помочь мне?

– Еще чего. – ответила девушка – Я слышала о вас, о ведунах. Вы любую травму можете исцелить, если захотите, конечно.

– Спину что ли вылечить хочешь? – спросил Вовчик, бегло глядя на ее энергетический контур – Перелом был?

– Со смещением. – согласилась Полина – На Кавказе со скалы упала. Вроде все срослось нормально, но нагрузки противопоказаны. А вы умеете все восстанавливать. На самом деле я к вам шла, когда они напали. Денег дам, сколько есть. – девушка принялась шарить рукой за сиденьем, пытаясь найти сумочку.

– За дорогой следи. – буркнул Вовчик – Будет тебе исцеление, только прибавь. Нам на базу надо успеть до сумерек.

Полина улыбнулась искренне и счастливо. Боли в спине были не слишком сильными, но постоянными и изматывающими. Она сказала почти правду. Только со скалы она не упала, ее скинули. Девушка поправила симпатичные часики на руке, а заодно включила маячок, чтобы ее передвижения отслеживали. Внедрение прошло успешно.

Вовчик смотрел на пролетающие мимо поля и пытался успокоить сердце. Его любимая была где-то там. Самое трудное было не сражаться с врагом, будь это рак или арахнид, а ждать. Бояться, переживать, не находить себе места и ждать. Но надо взять себя в руки и добраться до Сосновки.

В пути они остановились перекусить в придорожном кафе. Против ожиданий, еда была вкусная и относительно недорогая. Вовчик выбрал именно эту забегаловку потому что, на стоянке было три грузовика. Дальнобойщики лучший признак нормальной кухни. Пока Вовчик доедал вторую порцию салата, Полина пошла в туалет. Достала из сумочки простенький китайский телефон. Во всяком случае он так выглядел. Программное обеспечение и электронная начинка, были совсем другого класса. Быстро, чувствовалась большая сноровка, Полина отпечатала отчет кардиналу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.